

Жун Цзюэ испытывал смешанные чувства. В прошлом его пятый брат использовал чувства как оружие, заставляя его совершать множество нелепых поступков, из-за чего он сам начал считать себя недостойным власти. А теперь этот человек, находясь рядом, открыто заявляет, что истинный правитель должен быть чувствительным. Подобные речи абсолютно противоречат принципам императорской власти и учениям мудрецов, но почему-то звучат так приятно.

Два человека, правитель и подданный, разделили трапезу в приятной атмосфере.

Фан Ляочжи почти не прикасался к блюдам самостоятельно. Такая забота, если говорить о современном дворце, была беспрецедентной даже в прошлые времена.

— Почему ты заступился за него?

После еды Жун Цзюэ отпустил всех слуг, взял Фан Ляочжи за руку и начал прогулку по императорскому саду.

— Он просто пошутил, а ты уже готов был лишить его жизни, — ответил Фан Ляочжи.

— Ты так быстро забыл о порке перед императорским кабинетом? — спросил Жун Цзюэ.

Фан Ляочжи замер на мгновение.

— Так Лин Чэ уже рассказал тебе об этом.

Жун Цзюэ повернулся к нему, проведя двумя пальцами по его лицу.

— Лин Чэ не похож на тебя, он не стал бы скрывать от меня столько.

Голос Фан Ляочжи слегка дрожал.

— Я думал, что из-за его внешности ты не станешь его убивать.

Жун Цзюэ на мгновение задумался, затем с печалью произнес:

— Я тоже так думал. Но узнав, что он нанес тебе удар, я почти не колебался, решив его убить.

Фан Ляочжи почувствовал ком в горле, с трудом сдерживая эмоции.

Жун Цзюэ крепче сжал его руку.

— Чжу Ибин получил должность два года назад на экзаменах, но не был замечен, оставаясь в Военном министерстве неизвестным. Чэнь Тин, выходец из бедной семьи, был назначен моим отцом, и о нем знают лишь немногие из знати. А ты не только знаешь о них, но и осмеливаешься говорить мне об этом.

Фан Ляочжи на мгновение отпустил руку Жун Цзюэ и опустился на колени.

— Я не смею тебя обманывать.

— Су И, Яо Цин, Ци Юань... Ты знаешь то, что знает он, и то, чего он не знает, — Жун Цзюэ обошел вокруг стоящего на коленях человека, задумчиво произнеся.

Фан Ляочжи молчал, нахмутив брови.

Жун Цзюэ, заметив это, спросил:

— Когда ты собираешься сказать мне правду?

— Ваше Величество, я еще не разобрался в себе и не могу ничего сказать. Но я помню все, что вы говорили, — ответил Фан Ляочжи, подняв голову и посмотрев на Жун Цзюэ с искренностью в глазах.

Жун Цзюэ вздохнул.

— Сегодня тебе не нужно нести службу. Возвращайся домой и подумай над тем, что обещал мне.

Фан Ляочжи поклонился, готовясь удалиться, но Жун Цзюэ добавил:

— Не возвращайся в лагерь гвардии. Я приказал подготовить для тебя дом, и твои вещи уже перенесены туда.

Фан Ляочжи внутренне напрягся, невольно выпалив:

— Ты оставил меня во дворце прошлой ночью ради этого...

Жун Цзюэ прервал его:

— Это не то, о чем ты думаешь. Я не смотрел твои вещи.

Фан Ляочжи сглотнул, успокаиваясь, и хотел что-то добавить.

Но Жун Цзюэ не дал ему заговорить:

— Я уже сказал, что верю тебе еще раз. Поэтому не буду тебя подозревать. Фан Цин, ты еще недостаточно хорошо меня знаешь.

— Ваше Величество, ваша широта души не имеет аналогов в наше время. Благодарю вас, — поклонился Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ улыбнулся.

— Я и наказывал тебя, и баловал. Ты не поддаешься ни на угрозы, ни на ласку, не боишься смерти и не имеешь слабостей. С тобой ничего не поделаешь. Что мне остается? Только ждать.

Фан Ляочжи тоже улыбнулся в ответ.

— Это неверно. У меня есть слабость, но эта слабость — ты. Ты не можешь угрожать мне собой.

Жун Цзюэ рассмеялся.

— Возвращайся домой.

Фан Ляочжи поклонился.

— Ваш слуга удаляется.

Жун Цзюэ, наблюдая за уходящим Фан Ляочжи, слегка улыбнулся и тихо произнес:

— Он даже более дерзок, чем тот негодяй.

Затем он махнул рукой, подзывая двух своих телохранителей.

— Проводите его домой, не допустите никаких происшествий.

Двое телохранителей поклонились и быстро последовали за Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи, следуя указаниям, вышел за пределы дворца к роскошному особняку, который показался ему знакомым.

— Это где? — обернулся он к двум телохранителям императора.

Те переглянулись.

— Это... бывшая резиденция Седьмого принца.

Фан Ляочжи вздрогнул.

— Не может быть... Он хочет, чтобы я жил здесь?

Во дворце Чжао Жунцзюэ держал в руках нефритовую пластину, долго размышляя, прежде чем спросить:

— Ты искал ее более полугода. Где ты ее нашел?

— Получив ваш приказ, я приказал обыскать все ломбарды и ювелирные лавки в столице, но ничего не нашел. Вчера, вернувшись домой, ко мне пришел владелец одной лавки и сказал, что кто-то принес эту вещь в залог. Он, будучи знатоком, сразу понял, что это вещь из дворца, и не осмелился принять ее, поэтому привел того человека ко мне, — ответил Лин Чэ.

— Кто был этот человек?

— Владелец лавки сказал, что это был нищий.

Чжао Жунцзюэ чуть не захлебнулся от ярости. Его символ любви оказался в руках нищего.

— В последнее время у меня много общего с нищими, — с иронией рассмеялся Жун Цзюэ. — Приведи его сюда.

Нищего привели к императору, и он дрожал, не в силах произнести ни слова приветствия.

Лин Чэ усмехнулся.

— Вот это настоящий нищий.

Жун Цзюэ, не зная, смеяться или плакать, сказал:

— Ты мог бы не отпускать такие замечания. Спроси его, откуда у него эта вещь.

Лин Чэ вздохнул и подошел к нищему.

— Не бойся, скажи правду. Я позабочусь, чтобы тебя накормили, оденут и дадут денег.

Тот заикаясь, наконец произнес:

— Нашел... нашел.

— Где нашел? — нетерпеливо спросил Жун Цзюэ.

Услышав голос императора, нищий задрожал еще сильнее, не в силах вымолвить ни слова.

Лин Чэ сказал:

— Ваше Величество, если вы будете говорить, мы ничего не узнаем.

Жун Цзюэ хотел рассердиться, но, боясь напугать нищего, сдержал себя и лишь сердито посмотрел на Лин Чэ.

Лин Чэ, сдерживая смех, тихо сказал:

— Ваше Величество, не торопитесь. Дайте мне время допросить его.

Жун Цзюэ, несмотря на свое нетерпение, согласился:

— Как только узнаешь, сразу доложи мне.

Лин Чэ увел нищего.

Чжао Жунцзюэ, поглаживая нефритовую пластину, тихо произнес:

— Ты, негодяй.

За пределами дворца.

Фан Ляочжи прошел через внешний двор резиденции принца, затем через внутренний двор, и в каждой комнате его охватывало сильное волнение. Дойдя до бывшей спальни Жун Цзюэ, он почувствовал, что глаза застилает туман, и чуть не упал. Двое телохранителей поспешили его поддержать.

Фан Ляочжи, опершись на стену, стоял некоторое время, пока зрение не восстановилось. Взглянув на стол у кровати, он увидел шкатулку, в которой хранил свои письменные принадлежности в лагере гвардии. Слегка улыбнувшись, он обратился к телохранителям:

— Передайте вашему императору, что он настоящий негодяй.

Телохранители покрылись холодным потом. Кто осмелится передать такие слова?

Фан Ляочжи поселился в резиденции принца и начал жаловаться на болезнь.

Через десять дней Чжао Жунцзюэ пришел к нему.

— Что за болезнь? — с улыбкой спросил Жун Цзюэ, садясь у его кровати.

— Болезнь сердца, — ответил Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ достал нефритовую пластину.

— Узнаешь ее?

Фан Ляочжи нахмурился.

— Твой символ любви?

— Да. Ее сделал лучший мастер дворца, — сказал Жун Цзюэ.

Фан Ляочжи кивнул.

— Понятно.

Жун Цзюэ положил пластину ему в руку.

— Она твоя. Не потеряй.

Фан Ляочжи не взял ее.

— Почему ты поселил меня здесь? Почему прислал людей следить за мной?

Жун Цзюэ усмехнулся.

— Ты даже не поблагодарил, а еще спрашиваешь, почему?

Фан Ляочжи, глядя на него, серьезно сказал:

— Ваше Величество, ты сказал, что веришь мне.

Жун Цзюэ долго молчал, затем ответил:

— Я поселил тебя здесь, потому что это резиденция принца, а нынешняя резиденция императора. Никто не осмелится войти сюда без разрешения. Люди, которых я прислал, не для слежки, а для защиты. Ты не умеешь защищаться, и я боюсь, что тебя могут убить.

Фан Ляочжи указал на шкатулку на столе.

— Ты действительно не смотрел?

Жун Цзюэ положил руку на грудь Фан Ляочжи.

— Не смотрел.

Фан Ляочжи сказал:

— Завтра я вернусь на службу.

Жун Цзюэ усмехнулся.

— Ты действительно особенный.

— Я не бездельничал, я придумал план, — Фан Ляочжи положил нефритовую пластину под подушку, затем быстро спустился с кровати и опустился на колени перед Жун Цзюэ, ударившись лбом об пол. — Ваш слуга провинился, прошу наказания.

— Что ты задумал? — Жун Цзюэ, не ожидая такого поступка, рассердился.

— Только что это были личные чувства. Я не мог принять, что ты используешь против меня уловки, поэтому хотел все выяснить. Теперь я подданный, и подданный, оскорбивший императора, заслуживает сурового наказания, — ответил Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ понял его намерение и приподнял бровь.

— Расскажи свой план. Если он хорош, я прощу тебя.

<http://bllate.org/book/16817/1564771>